И. М. Ильинский

КУДА ИДТИ РОССИИ

2-е издание

Издательство Московского гуманитарного университета
2025

ББК 84(2Рос)6-44
И46

Ильинский, И. М.
И46 Куда идти России / И. М. Ильинский. — 2-е изд. — Москва : Издательство Московского гуманитарного университета, 2025. — 82 с.

ISBN 978-5-907986-27-5

Книга «Куда идти России» написана известным российским ученым и общественным деятелем И. М. Ильинским и посвящена анализу ситуации, в которой оказалась страна после «перестройки» и развала СССР, — ситуации «глупой, постыдной, унизительной». Автор размышляет о тех путях развития России, пройдя которые, она снова обретет свое величие и достоинство. Несмотря на то что книга впервые была опубликована в 1995 г., она воспринимается как современная и чрезвычайно актуальная, так как позволяет увидеть в новом свете события тех лет и осознать процессы 1980–1990-х гг.

Сегодня, после всех имеющих глобальное геополитическое значение событий, начавшихся в 2000-е гг. и продолжающихся вплоть до настоящего времени, можно сказать, что Россия, которая находится в центре этих событий, вышла достойно из «шоковой терапии» тех лет и как государство-цивилизация ведет политику, необходимую для сохранения ее суверенитета, ее народа, ее истории.

ББК 84(2Рос)6-44

ISBN 978-5-907986-27-5

© Ильинский И. М., 2025
© Московский гуманитарный университет, 2025

1. Вступление

Иногда я думаю, что сказали бы, восстань они из гроба, Иван Калита, Иван Грозный и Петр Великий, которые «собирали» Россию, расширяли ее пространства, узнав о том, как развалили СССР и как трещит сегодня по швам Россия? Какими словами назвали бы нас Суворов и Кутузов, Нахимов, Ушаков и Корнилов, услышь они, что у России практически нет Черноморского флота, что Крым и Одесса подарены другому государству? И я вполне догадываюсь, в каких выражениях выразил бы маршал Жуков свое отношение к тому, что поверженная нами полвека назад Германия шлет гуманитарную помощь ветеранам Великой Отечественной, помогая им выжить; к тому, что российским руководством вынашивается мысль о передаче Японии островов на Курилах; что некоторые силы обсуждают с Западом вопрос о превращении Калининграда в «свободный город»; что мы довели свою еще недавно лучшую в мире армию до такого состояния, когда ее уже фактически не принимают в расчет генералы НАТО, как это происходит, например, в их войне против югославских сербов, — узнай грозный маршал обо всем этом... Что сказали бы миллионы наших матерей и отцов, дедов, прадедов и пра-пра-прадедов, проливавших пот и кровь, отдавших свои жизни ради могущества, величия и славы России и сделавшие ее таковой вопреки всему и вся, узнай они, что Россия заметно сократилась в пространствах и, хотя пока еще по-прежнему большая, но уже не великая. Нет огромной и мощной индустрии — она разрушена. Передовые позиции в науке и технике, добыче сырья и производстве ряда важных видов продукции, которые мы занимали в Европе и мире, безнадежно утрачены. Невообразимые вещи творятся с культурой, образованием, обществом и государством, с человеком. Снова встали вопросы: откуда мы? кто мы? что мы? где мы? куда идем? куда идти?

Оценивая нынешнее положение дел, мы говорим: разруха, хаос, смута, разброд и шатания всего и вся. Сурово. Но наши предки, восстань они из гроба, нашли бы более жестокие и страшные слова: «Вы предали нас. Вы — бездари. За несколько лет вы переиграли все войны, которые Россия вела на протяжении столетий,

и проиграли их. Сами себе. Вы совершили самоубийство и тем еще раз убили нас, ибо перед лицом происшедшего и происходящего все наши открытия и достижения, страдания, муки и жертвы, наша жизнь и смерть потеряли смысл. Отрекаемся. Проклинаем. И нет вам прощения».

И что тут было бы возразить, если, видя, как гибнет наша страна, мы не можем толком объяснить и понять, что же все-таки происходит, не можем остановить даже падение, не говоря о том, чтобы начать движение вверх. «Так вышло». Воистину, благими намерениями вымощена дорога в ад.

Предлагаю читателю свои размышления на тему, почему все случилось именно так, а не иначе, но — главное! — куда идти России, как выбираться нам из кризиса. Вопросы эти мучают всех. Многие мои коллеги — политологи, экономисты, социологи, историки — ищут на них ответы. Но в абсолютном большинстве случаев, будучи специалистами в той или иной, нередко довольно узкой области, они дают оценки происходящему, высказывают соображения о возможных альтернативах развития России в экономике, социальной сфере, политике, культуре и т. п., а не общества в целом. Целостного, обобщенного представления об альтернативных путях развития России пока нет. Точнее сказать, нет общего, хотя бы в принципе приемлемого для большинства политических сил, варианта перспективного видения российского пути. Ибо вышло немало книг, в которых предлагаются сценарии, не совместимые между собой, как и люди, их написавшие: Е. Гайдар и Г. Зюганов, С. Глазьев и Б. Курашвили, В. Жириновский и Н. Моисеев, А. Руцкой и С. Дзарасов и т. д. Политические, партийные пристрастия и амбиции ослепляют оппонентов, делают их не слышащими друг друга, хотя порой различия во взглядах тоньше комариного писка. Нужен объективный, реалистичный, конструктивный подход, ставящий цель — нахождение оптимального варианта, по поводу которого можно было бы искать согласия сторон; нужна комплексная, органическая, объединительная концепция, на основе которой было бы можно продолжать реформы. Чтобы Россия не распалась и не погибла, мы должны установить согласие сначала в своих мыслях, ибо именно противоречие — источник разрушения. «Война есть

отец всех вещей», — говорил Гераклит. Но он же говорил, что «мать всех вещей — гармония, согласие, мир». Гармония важнее противоречия, к ней, к согласуемому, а не различающему и разводящему мы должны стремиться прежде всего. Война (отец) пожирает все и своих детей. Мир (мать) плодоносит. Все войны (рано или поздно) кончаются. И кончаются миром. Война существует ради мира, а не мир ради войны; мир может обойтись без войны, но война не может обойтись без мира, ибо не может длиться бесконечно. Принцип мира выше принципа войны. В какой момент приходит мир — вот в чем вопрос. Пиррова победа есть точное выражение бессмысленности тезиса «война до победного конца». Вот ты наконец победил, но войска нет, все мертвые. Зачем нужна такая «победа»?

10 лет в России идет внутренняя безрассудная холодная война политических сил, которая периодически перемежается малыми и большими вооруженными столкновениями, которые потрясают Россию и весь мир. Уже пришла к нам и «горячая» война. Но кровавая трагедия Чечни может оказаться лишь мизансценой большой войны, которая тлеет на границах других регионов, возбуждается в умах и душах многих политических авантюристов, а также обездоленных и отчаявшихся людей. Не приведи бог, если их интересы сойдутся, если они потеряют головы. Ради того, чтобы этого не случилось, чтобы нам как можно скорее найти свой верный путь в будущее и вырваться из глупой, постыдной, унизительной ситуации, и написана эта брошюра. Понимаю: это — лишь эскиз, лишь вариант возможного развития событий. Я сделал что мог.

2. «Демократический выбор России»

Реформирование общественной системы в СССР было объективной необходимостью. О причинах этой необходимости сказано очень много. Одни ищут и находят причины начавшейся в СССР перестройки в столетних глубинах российской истории, другие — в природе социализма как такового, третьи — в исчерпании потенциала советской индустриальной модели, ее неспособности ответить на вызовы «революции первичных потребностей»,

запросы «общества массового потребителя», ценности которого стали бурно распространяться в СССР с начала 1960-х гг., и т. д. Рассмотрение данного вопроса при всей его важности не входит в нашу задачу. Подчеркнем главное: людей, которые считают, что в прежней системе ничего менять не следовало, очень немного.

В широком смысле реформы начались с 1985 г. по инициативе и под руководством М. С. Горбачева с призывов к «ускорению социально-экономического развития» страны. Но вскоре этот лозунг был потихоньку снят. Грянула «эпоха гласности», за которой последовала «перестройка». Уже эта быстрая смена призывов и лозунгов, целей и задач свидетельствует о непродуманности каждого из начинаний, о том, что у руководителей СССР, у того же М. С. Горбачева было всего лишь ощущение, чувство, чутье необходимости перемен, некоторые представления и общие замыслы. Теперь совершенно очевидно, что и они касались вначале только экономики и лишь потом, в силу логики развития событий, по необходимости были распространены на сферу политики. Ни о какой целостной, научно обоснованной, взвешенной концепции перестройки говорить не приходится. В октябре 1994 г. я дважды встречался с М. С. Горбачевым, и на мои вопросы по этому поводу он дал, скажем так, «уклончивые» ответы. Ничего иного я и не ожидал. хотя, по правде говоря, совершенно не представляю, как он смог бы создать такую концепцию, даже будучи генеральным секретарем ЦК КПСС, помимо Политбюро, в котором были люди, не способные пойти ни на какие существенные перемены даже на «китайский манер». Был избран принцип Наполеона: «Главное — ввязаться в бой, а там посмотрим». Но это девиз гениев, способных к импровизации без ошибок. Здесь, видимо, все же другой случай.

Как бы там ни было, за пять с лишним (особенно первых) лет в стране под руководством Горбачева произошли многие принципиальные перемены во всех областях жизни. Это очевидно. В зависимости от идеологических установок, общих взглядов на историю и политику в глазах одних людей (особенно на Западе) М. С. Горбачев предстает как великая историческая личность общепланетарного масштаба, другие видят в нем преступника XX в. № 1, посланца дьявола, открывшего шлюзы всех бед, несчастий и горя, которые хлынули на Россию и на человечество. По-своему

правы и те, и другие. Без Горбачева не было бы ничего: ни плохого, ни того немногого хорошего, что все-таки пришло в нашу жизнь, и прежде всего — свободы. Время все поставит на свои места и каждому воздаст по заслугам. Но и сейчас очевидно, что Горбачев совершил немало ошибок и упущений в стратегии и тактике «перестройки», недопустимо долго лавируя там, где надо было действовать быстро и решительно. Демократы (как вскоре выяснилось, демократы в кавычках) перехватили инициативу и пошли в наступление на КПСС и Горбачева. Но он продолжал хитрить и лавировать. Более решительные из его коллег организовали августовский путч, который провалился. КПСС была разрушена. Горбачев отстранен от власти. Беловежский сговор привел к развалу СССР. В узком смысле «реформы» начались с августа 1991 г. Связав с путчем, их можно называть «послеавгустовскими», а можно персонифицировать и назвать «ельцинскими», поскольку Президент РФ Б. Н. Ельцин взял лично на себя всю полноту ответственности за формирование правительства, его политику и, следовательно, за ее результаты. Можно также (ниже мы покажем это) именовать этот этап «гайдаровским» или «западническим», поскольку концепция радикальных реформ с момента прихода к руководству Правительством РФ яростного «западника» и уже поэтому «отца русской демократии», безоглядного либерала-монетариста и жестокого радикала Е. Гайдара и его «команды» строилась исключительно по рецептам и советам Запада.

Первое, что следует сказать: все происшедшее и происходящее к понятию «реформа» не имеет никакого отношения. Реформа — это обновление, преобразование чего-либо в порядок, изменение некоторых сторон существующего без нарушения его основ. Задача новой власти, объявившей себя «демократией», так же как и задача Запада, была как раз в том, чтобы разрушить именно фундамент прежнего режима; зайти в этих разрушениях так далеко, чтобы при любом повороте событий восстановить основы было бы невозможно. Вспомним 1990–1992 гг.: демонстрации, митинги, шествия, забастовки. Море эмоций, массовая истерия. Очень много чувств и очень мало разума. Хотя те, кто задумывал и режиссировал все эти события, направляли эмоции масс, имели холодный расчет и были в трезвом уме. Спокойным словом «реформа» они назвали то, что имеет совсем другое, страшное в своей

сути понятие, — «революция», т. е. коренной переворот в жизни общества, низвержение прежнего строя и его замена новым с переходом власти от одного класса к другому. В. Даль определяет революцию и как «насильственный переворот гражданского быта». Революция — это неизбежное насилие, разрушения, борьба, война, страдания и кровь.

Нынешняя революция в России имеет уникальный характер. Если все происходившие прежде в истории человечества революции осуществлялись под лозунгом борьбы за интересы народа, его большинства, были в этом смысле революциями социальными, нуждались в народе как участнике перемен и происходили «снизу вверх», то в нынешней революции все наоборот. По своей сути это Великая капиталистическая революция, осуществляемая абсолютным меньшинством в интересах меньшинства «сверху вниз». Интересы большинства («народа») подразумеваются, но — когда-нибудь, «в конце концов», «рано или поздно». Народ нужен «революционерам» лишь в момент прихода к власти, и не более. Дальше интересы власти, капитализирующегося меньшинства и народа резко расходятся. Начинается игра в «кошки-мышки», обещания, уступки, подачки, манипулирование общественным мнением и откровенная ложь «во спасение» власть предержащих.

Взяв власть в свои руки, Ельцин и его окружение, возникшее из пен народного брожения, были обречены на то, чтобы действовать, принимать решения. Но чтобы принимать исторические решения, нужны исторические личности. А рядом были всего лишь бурбулисы, «сникерсы», станкевичи, «сэндвичи», гайдары, чубайсы, «марсы», «макдоналдсы»... Большой, сильный, но больной общественный организм России требовал многих и сложных мер длительного лечения. Но времени на раздумывание у «революционеров» не было. Проблему решили радикально: «лечить головную боль усечением головы». Началась бурная и грубая разрушительная работа. Но и в ней никакой продуманной стратегии и тактики у «реформаторов» не было. Более того, «настоящей концепции реформ, — как писал уже в конце 1994 г. советник Президента РФ по экономическим вопросам А. Я. Лифшиц, — всестороннего, доступного людям описания того, что ждет Россию, как не было, так и нет. С ценой реформы мало считаемся, население

не бережем» (Лифшиц А. Экономическая реформа в России и ее цена. М., 1994. С. 81, 201).

Конечно, какие-то замыслы и планы существовали, они строились на нескольких предположениях.

1. **Спасение России** — в ее выделении из состава СССР. Освободившись от гнета «центра», свалив с себя все тягости обязательств, которые она несет в составе «империи», Россия получит возможность быстро модернизироваться. Последовал беловежский сговор, развал СССР, создание СНГ.

2. **Спасение России** — в решительности и быстроте действий властей согласно такой концепции «реформ», которые дают быстрый эффект, даже если он достигается высокой социальной ценой, которая в этом случае относилась на счет предшествовавшего коммунистического режима, доведшего страну до такого состояния, когда эти жертвы необходимы и неизбежны. Так появилась концепция «шоковой терапии» и фигура Е. Гайдара — сторонника и основного проводника такой концепции.

3. **Спасение России** — в массированной помощи (кредитах, инвестициях, консультациях и т. п.) Запада. Начались бесконечные и постыдные переговоры с МВФ, «семеркой», США, Японией, уступчивость и покорность во внешней политике и т. п.

Однако во всех своих предположениях «реформаторы» грубо просчитались.

Развал СССР обернулся для России не успехами, а огромными проблемами, о которых не стоит распространяться, ибо они хорошо известны.

Надежды на финансовую помощь Запада оказались иллюзией. Свои главные цели Запад достиг, не прилагая к этому особых усилий. СССР развален. КПСС уничтожена. Военно-промышленный комплекс России и ее армия разрушены. Варшавского блока нет. Ну а сильная и процветающая Россия Западу не нужна. Запад дал денег России ровно столько, чтобы она могла платить процент по своим внешним долгам и не отказалась от них. То есть опять-таки в своих собственных интересах, а не ради блага России.

В конце концов не удалась и «шоковая терапия», которая встретила яростное сопротивление в регионах и даже в правящих кругах, хотя удар, нанесенный ею по экономике России, был сокрушительным, его «хвосты» и отголоски мы ощущаем до сих пор.

О «шоковой терапии» надо сказать особо, ибо именно она прежде всего и была для Гайдара «демократическим выбором России». Это был преступный выбор. Ибо сделан он втайне от народа, который, ощутив на себе «шоковую терапию», до сих пор так и не знает, что же это такое по замыслу? Гайдар и К° жалуются, что им не дали довести «сеанс» до конца, распускают слухи о чудодейственной силе этого заморского лекарства.

Чистейшая ложь.

«Шоковая терапия» — это «западный» рецепт для лечения больной экономики. Но сам Запад на себе это лекарство никогда не испытывал, хотя вовсю рекомендует и опробывает его на слаборазвитых странах. С 1982 г. МВФ использует модель «шоковой терапии» вовсе не для построения эффективной рыночной экономики в той или иной стране, а исключительно для доведения государств, которые должны деньги западным странам или международным банкам, до той «кондиции», когда бы они были вынуждены, а главное, могли выплачивать свои внешние долги.

Стоит привести некоторые примеры, чтобы понять, как это делается и что происходит со странами после реализации рецептов МВФ, если они проводятся последовательно и до конца. Возьмем ряд стран Латинской Америки (данные из журнала «Российские экономические исследования». 1994. № 3. С. 8–10).

1. **Венесуэла.** В свое время эта страна имела самый высокий доход на душу населения в Латинской Америке, занимала солидные позиции среди мировых экспортеров нефти. Под влиянием «шоковой терапии» и политики МВФ этому относительному благополучию пришел конец. Внешний долг Венесуэлы, взятый у МВФ под ростовщические проценты, составлял в 1980 г. 29 млрд долл. За 10 лет ей только по процентам пришлось выплатить 31 млрд долл., при этом на начало 1991 г. абсолютная сумма внешнего долга достигла 35 млрд долл., т. е. он не сократился, а вырос на 6 млрд. Незаконный вывоз капитала из Венесуэлы за период 1980–1990 гг. оценивается в 35 млрд долл. Реальная заработная плата (1989–1991 гг.) сократилась на 40%; реальная безработица выросла на 50%; процентные ставки увеличились на 40%. Динамика основных фондов в 1989–1991 гг. составила: по средним компаниям — минус 20%, по малым компаниям — минус 51%.

2. **Перу.** В период особого давления на страну МВФ (1980–1985 гг.) валовой национальный продукт на душу населения стремительно падал. Президент А. Гарсия порвал отношения с МВФ на два года (1985–1987 гг.), и положение стабилизировалось. В августе 1990 г. новый президент Перу А. Фухимори вновь приступил к осуществлению «шоковой терапии» по рецептам МВФ. Это мгновенно привело к тридцатикратному росту цен при двукратном повышении зарплаты. До «шока» в полной нищете жили 7 млн жителей Перу (35% от населения в 20 млн человек); через месяц после начала «шока» таковых оказалось 12 млн, т. е. 60% населения.

3. **Боливия.** В чистом виде технологию реформ МВФ Д. Сакс (советник Правительства РФ при Е. Гайдаре) продемонстрировал в Боливии в период 1985–1987 гг. Ему удалось сбить инфляцию, которая в 1985 г. достигла 20 000% в годовом исчислении. Но — во имя сжатия расходной части бюджета — это было обеспечено преднамеренным разрушением (деиндустриализацией) и без того слабой боливийской экономики с переводом высвобождаемой рабочей силы и прочих средств в область производства и распространения наркотиков. Сам Сакс расценил это как «социальную трагедию».

4. **Чили.** Результаты «шоковой терапии» в данной стране МВФ причисляет к неопровержимым успехам своей политики. Данные Шиллеровского института (ФРГ), Мирового банка, Корпорации экономических исследований Латинской Америки заставляют усомниться в этом. В 1970 г. внешний долг Чили был равен 2,5 млрд долл. За период двадцатилетнего контроля со стороны МВФ Чили выплатила долгов только по процентам 21 млрд долл., а внешний долг к концу 1990 г. увеличился до 18 млрд долл., т. е. более чем в 7 раз по сравнению с 1970 г. (в сопоставимых долларовых ценах). В 1989 г. средняя зарплата оставалась на 10% ниже уровня 1970 г.

5. «Убийственным» аргументом в пользу своих рецептов МВФ считает **Польшу**, которая (единственная из постсоциалистических стран Восточной Европы) использовала «шоковую терапию». Уже первые шаги по этому пути привели страну к серьезным проблемам. И это при том, что Польше Запад оказал огромную (по масштабам ее страны) финансовую помощь. Что

социализм в Польше существовал на 40 лет меньше, чем в России. Что в Польше во все «социалистические» времена существовали частная торговля, частные хозяйства на селе. Что у Польши — многомиллионная зарубежная диаспора (особенно в США). Что в Польше — один народ и одна очень влиятельная религия. Что Польша — компактная страна с густоразмещенным населением и относительно высоким уровнем «средней» культуры.

Одним словом, целебность «шоковой терапии» — это легенда, миф, который используется Западом исключительно в своих интересах. Думаю, МВФ и мечтать не мог, чтобы когда-нибудь поймать на эту «удочку» такую «рыбину», как Россия. Но — поймал! Хотя наши «реформаторы», выбиравшие втайне от общества способ трансформации советской планово-централизованной, «командной» экономики в рыночную, должны были понимать (ах, какая сложная задача!), что Россия — не Чили, не Боливия и даже не Польша; должны были изучить досконально, какой результат даст «шоковая терапия», обсудить вопрос, а хочет ли народ «лечиться» таким образом. Даже в случае, если бы эти результаты были позитивными, то все равно в вопросах модернизации ни страны Латинской Америки, ни Польша не могли бы быть избраны Россией образцом для подражания. Россия — не слаборазвитая, не аграрная, а высокоиндустриальная страна, в которой госсектор составляет подавляющую часть экономики, а рабочие — более 70% всех трудящихся. Они должны были учесть, что деиндустриализация, которая является следствием политики МВФ, ведет к таким масштабам нищеты и безработицы, при которых социальный взрыв становится неизбежным. Что в многонациональной России любой экономический конфликт тут же превращается в конфликт межнациональный. Что масштаб России так велик, что никакой МВФ, никакой блок государств и весь Запад в целом даже при желании не в состоянии дать кредит в 2 трлн долл., которые (по оценкам российских экономистов) необходимы для вывода России из экономического кризиса, ибо таких свободных денег на Западе просто нет.

Незадолго до начала «шоковых» реформ в России президент Ситибанка Д. Вид заявил: «Если мы посмотрим на карту мировой экономики, то увидим на ней исчезнувшие страны... Перу и Боливия исчезнут. Советскому Союзу нужно поостеречься, иначе он может тоже исчезнуть» (Российские экономические исследования. 1994. № 3. С. 10). О невозможности применения «шоковой терапии» в

России упреждал даже ее давний недруг З. Бжезинский. И тем не менее рекомендации МВФ были приняты Правительством России. В том числе и потому, что у этой модели были сторонники в среде отечественной бюрократии и крупного российского и западного капитала. Их интересы объективно смыкались.

«Шоковая терапия» предусматривает несколько этапов. Первый — создание «твердой» валюты. Второй — свободные, т. е. мировые цены. Третий — разорение с помощью этих цен нерентабельных производителей. По замыслу все эти меры — в интересах оздоровления экономики России. Но это еще не те действительные, тайные интересы некоторых сторонников «шоковой терапии». Главное для них — четвертый этап: приватизация нерентабельных предприятий, которые при благоприятных условиях (а они есть) могут за бесценок купить как иностранные, так и отечественные капиталисты. Народная (ваучерная) приватизация, вокруг которой было много шума, это не более чем «дымовая завеса» перед главным актом — «большой» приватизацией, распродажей, а по сути дела, дележом небывалой по богатству в истории государственной собственности.

Таким образом, ход послеавгустовских реформ определяли интересы трех основных политических сил: радикальных «демократов», уверовавших в свое историческое предназначение, возжелавших власти и богатств; части бывшей партийной и государственной номенклатуры, понимавшей необходимость реформ, но видевшей ошибки, реальную и потенциальную беспомощность новой власти, решивших, что у них есть шанс вернуться к власти, легко и быстро обогатиться; страны Запада, мечтавшие о победе над коммунизмом, устранении СССР как главного военного противника, добившихся этого и стремящихся теперь превратить пространства СССР в зону, где можно было бы реализовать многие свои национальные, и прежде всего экономические, интересы (доступ к территориям, сырью, рынку и т. п.). Огромное значение в российской трагедии играл и играет субъективный фактор.

Долгие годы нам внушали, что определяющая сила истории — народные массы, а личность— второстепенна. В конце концов это, быть может, так и есть. Рано или поздно народ произнесет свое слово, и оно будет решающим. А пока — Горбачев «со товарищи» развел костер, думая погреть народ, а он разросся в пожар; Ельцин, ради того чтобы избавиться от опеки «центра», стать единоличным «хозяином» России, развалил великую державу; Гайдар,

мечтая побыстрее поставить Россию на рельсы западной цивилизации, принялся лечить ее «шоком»; Чубайс, видимо, просто из нелюбви к России и ее народу разбазаривает колоссальное общественное богатство... И так далее. Все эти люди — революционеры и потому разрушители.

Когда-то, очень-очень давно в городе Эфесе (Малая Азия) жил человек по имени Герострат (род. в 356 г. до н. э.). Чтобы обессмертить свое имя, он сжег храм Артемиды Эфесской, который считался в древнем мире одним из семи чудес света. Мне кажется, что все мы стали заложниками людей, которые независимо от различий в возрасте, политическом опыте, знаниях, способностях и взглядах больны одной и той же болезнью — «комплексом Герострата», т. е. безмерным честолюбием. Ради того чтобы остаться в истории, они решились на безумные шаги. За то, что сжег храм, Герострат был казнен, имя его было запрещено произносить. Слава «героев нашего времени» тоже позорна. И суд истории еще впереди. Ибо неохватны и немыслимы по масштабу, неоценимы по стоимости те разрушения, которые они совершили.

3. Результаты «реформ»

Страна вошла в «реформы» под высоко поднятым транспарантом, на котором было начертано: «Либерализация. Приватизация. Стабилизация». Не совсем понимая, за что, но мы готовы были платить. Однако и в страшном сне никому не могло привидеться, что цена будет такой непомерно высокой, а результат — практически никакой, нулевой, отрицательный. Его можно также выразить несколькими словами, но их ряд будет значительно длиннее: Разруха. Хаос. Смерть. Бедность. Нищета. Депопуляция. Дезинтеграция. Диссоциация. Деиндустриализация. Деинтеллектуализация. Деструкция личности. Деморализация. Бездуховность. Коррупция. Криминализация. Правда, все эти слова можно вместить в одно-единственное слово, применимое к обществу и государству, коллективу и личности, экономике и политике, науке и образованию и т. п., — деградация. То есть последовательное, неуклонное движение от высшего к низшему, к тому пределу уровней питания, физического и психического здоровья людей, связей между ними, между «центром» и регионами, между самими

регионами, между экономикой, политикой, культурой, уровня знаний, количества талантливых людей в обществе, духовности, нравственности, порядочности, добра и доброты и т. п., ниже которого общество не должно опускаться ни при каких обстоятельствах, ибо дальше — распад целого на части и превращение его в нечто иное. Смерть.

В 1992 г. я руководил подготовкой проекта доклада Комитета РФ по делам молодежи Правительству РФ «О положении молодежи в России». Анализируя это положение в сферах экономики, политики, труда, быта, отдыха, образования, культуры, здравоохранения, а также ситуацию в области демографии и окружающей среды, я пришел тогда к этому страшному выводу: уже давно российское общество начало деградировать, но «реформы» настолько ускорили этот процесс, что он приобрел обвальный характер, и этот обвал нарастает. Сейчас в научной среде этот тезис уже не подвергается сомнению. Ученые спорят лишь о том, как далеко зашел процесс социальной деградации. Одни считают, что он не остановим, другие — что общество еще не утратило способности к регенерации. Но тогда, в начале 1992 г., признаюсь, я испугался. Приятно известить мир об открытии звезды или новой элементарной частицы, но сообщить обществу, что оно не просто болеет, но погибает, бесконечно тяжело, именно страшно. Однако такова судьба исследователя. В книге «Молодежь России: тенденции, перспективы» (М. : Молодая гвардия, 1993. 224 с.) эти выводы изложены. Тогда они базировались на данных молодежного «среза» общества. Молодежь — это то же общество, только взятое в определенном возрастном состоянии, которое добавляет к общим еще некоторые особые «молодежные» проблемы. По мере того как молодежь взрослеет, все ее проблемы становятся общими, общественными. Именно поэтому мы говорим о молодежных проблемах общества (доступ к образованию, первое рабочее место и т. п.) и общественных проблемах молодежи (брачность, рождаемость, воспитание и т. п.). Изучать молодежь — значит изучать не только нынешнее, но и завтрашнее общество. В этом году мы вместе с коллективом авторов заканчивали проект второго доклада Комитета РФ по делам молодежи Правительству России «Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений». В этом случае мы углубленно исследовали духовную сферу жизни общества. Увы, все то же: упадок, распад — деградация.

Три года назад я спросил себя и своих коллег: «В чем положительные результаты “перестройки”?» Они уместились в одно емкое и в высшей мере важное слово «свобода». Свобода экономическая, свобода политическая, свобода духовная, свобода вероисповеданий и т. д. Это — очень много и очень важно. Однако, глядя вокруг, я вижу очень много освободителей и освобожденных, но невероятно мало — свободных людей. Свобода — это «сладкое слово», но это «горькое» лекарство, которое, как всякое лекарство, употребляемое в чрезмерных дозах, может убить. Свобода, как и жизнь, не каждому по плечу. Свобода без идущей рядом ответственности легко, просто и быстро превращается в тиранию. Схема элементарна: свобода — своеволие — эгоизм — тирания. Под этим углом зрения давайте глянем на ту политическую систему, ту власть, которая родилась в результате реформ. Ведь это и есть их ПЕРВЫЙ и главный итог.

Нынешний политический режим еще не назовешь авторитарным, тем более диктаторским в «чистом» виде, но это, безусловно, не демократия, хотя на первый взгляд все внешние признаки (разделение властей, многопартийность и т. п.) налицо. Однако от участия в реформах народ отстранен, выведен за скобки всего происходящего. Даже на выборы приходит всего половина избирателей. Существует разделение властей, но все ветви власти бессильны. Около 1500 указов, которые к середине мая 1995 г. подписал Президент РФ (едва ли не по 10 в день), в большинстве не работают. Нет закона о партиях, об общественных организациях, не решен вопрос их финансирования. То, что мы имеем сегодня в России, — это не демократия, а правление немногих, олигархия, как сказал бы античный классик. И с этим мало кто спорит. Элитарный характер нынешних политических партий, механизм выборов, созданный специально для движения вверх элиты, узкогрупповые интересы, доминирующие в деятельности Госдумы и государственно-чиновничьих структур, стали сегодня настолько очевидными, что даже Президент РФ вынужден был отметить как несомненный факт, что все более усугубляется отчуждение власти от народа. В этом и состоит главное отличие сложившегося в России режима от действительной демократии. Мы имеем элитарную демократию, автократическую демократию, все что угодно, только не демократию, понимаемую как власть, правление большинства

народа. Такой коррумпированный режим нельзя признать историческим достижением даже в сравнении с тем, который мы недавно имели. Пока еще никого не сажают и не расстреливают по политическим мотивам, но зато при этом режиме стала возможной такая форма устрашения и террора населения, как массовая, организованная и вооруженная преступность, которая тесно связана с системой власти, которая если не поощряет ее, то и не противодействует ей. Зато при этом режиме оружие и армия стали средством разрешения политических споров и конфликтов. И разве все это уже не элементы, не признаки тирании, которая при соответствующих условиях может расцвести во всей красе? Сегодня в России властвует не народ и не закон, а средневековый принцип французских королей и немецких рыцарей: «власть сама себе право».

ВТОРОЙ результат реформ, не менее важный, чем первый, — это новая социально-экономическая система. Выискивая позитивные начала перемен в сфере экономики, идеологи «реформ» среди них называют: 1) уход из экономики государства; 2) перераспределение властных полномочий сверху вниз; 3) либерализацию цен; 4) либерализацию внешней торговли; 5) полный отказ от прямых государственных инвестиций; 6) становление института частной собственности; 7) разгосударствление, приватизацию; 8) и даже укрепление (Боже!..) рубля...

Возможно, это действительно достижения. Все зависит от того, как смотреть на вещи. Попробуем для начала найти некое определение той социально-экономической системы, которую мы имеем ныне. Конечно, это уже не социализм. Но и не капитализм. Это псевдокапитализм, номенклатурный капитализм, стержнем которого является сверхоригинальное явление — класс богатых индивидуальных владельцев объектов госсобственности, полученной в результате специально придуманного для этого способа раздачи этой госсобственности в персональное владение под названием «приватизация». При этом новый режим унаследовал от старого систему эксплуатации большинства населения страны правящим бюрократическим слоем. Новым является свобода эксплуатации, которая стала практически безграничной, ибо пока трудящиеся не имеют никаких форм и способов защиты своих прав, кроме стихийных забастовок и массовых выступлений.